

УДК 343

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ 13 И 14
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.А. КУРЯКОВ

(Полоцкий государственный университет)

Эффективность законотворческой деятельности в области борьбы с преступностью в значительной степени зависит от научного подхода к подготовке уголовно-правовых нормативных актов, их непрерывного совершенствованию. В условиях наметившейся тенденции усиления государственного и общественного контроля за соблюдением прав и свобод личности именно в сфере уголовно-правовых отношений это особенно касается направлений, связанных с разработкой тех нормативных положений, в которых в рамках реализации уголовной ответственности содержатся правовые основания для вторжения в конституционный статус гражданина в форме установления нередко принципиально значимых для человека правоограничений. Несмотря на очевидно достигнутые позитивные изменения при разработке норм подавляющего числа институтов Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года, многие его положения как в научной среде, так и среди юристов-практиков по-прежнему остаются предметом острых дискуссий и споров. Одним из таких направлений, базирующихся на группе норм Общей части УК, является называемое в науке уголовного права учение о неоконченной преступной деятельности.

В настоящей публикации, состоящей из двух частей, с использованием метода сравнительного правоведения проводится краткий системный анализ наиболее спорных положений статьи 13 (Приготовление к преступлению) и статьи 14 (Покушение на преступление) Уголовного кодекса Республики Беларусь и аналогичного института Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. В качестве обоснования выбора в рамках сравнительного правоведения именно уголовного законодательства России можно отметить следующее: Республика Беларусь и Российская Федерация близки по условиям социального и экономического развития, что явилось основной предпосылкой для создания союзного государства, очевидно сходство правовых систем, налицо общие правовые традиции.

Предметом настоящего исследования является сравнительный анализ норм ранее действовавшего уголовного законодательства об ответственности за неоконченные преступления и новелл Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года. Автором не рассматривается объемно такой традиционно дискуссионный вопрос, как понятие стадий совершения преступления. В этой части только уместно отметить, что, несмотря на распространенное в юридической литературе мнение о существовании стадий совершения преступления, тем не менее, законодатель не посчитал необходимым включить в УК определение понятия «стадия преступления» (здесь и далее курсив автора – **К. В.А.**) и даже не использует этот термин [1].

Однако как в теории уголовного права, так и в следственно-судебной практике для общего обозначения различных форм и видов неоконченной преступной деятельности достаточно широко употребляются терминологические словосочетания типа «стадия совершения преступления», «стадия предварительной преступной деятельности», «стадии развития преступления», под которыми юристы и практики, как правило, подразумевают различные этапы подготовки и осуществления умышленного преступления, отличающиеся друг от друга по характеру и содержанию виновных действий, а также по степени осуществления (завершенности) преступного намерения.

Как известно, преступная деятельность по различным причинам не всегда достигает уровня своей завершенности. В таких ситуациях возникает вопрос о так называемой предварительной преступной деятельности, предваряющей стадию оконченого преступления. Не углубляясь в содержание этого вопроса, отметим, что все же в целом большинство ученых по сложившейся традиции преступную деятельность разделяют как бы на *этапы* и выделяют их три вида, употребляя при этом и термин «стадии»:

- 1) приготовление к преступлению;
- 2) покушение на преступление;
- 3) оконченое преступление.

Ориентируясь на такое теоретическое разделение, российский законодатель, например, факт признания оконченого преступления *самостоятельным этапом* развития преступной деятельности закрепил непосредственно в норме (ч. 1 ст. 29 УК РФ) [2]. В несколько ином формате, но также не остался рассматриваемый вопрос без внимания и со стороны белорусского законодателя.

Трактуемая как спорная в научном отношении концепция деления преступной деятельности на стадии в определенной степени согласуется с конструкцией статьи 10 УК, в которой законодатель впервые (в том числе в отличие и от однотипной ст. 8 УК РФ) закрепил достаточно принципиальное в теоретическом и практическом отношении положение, из которого следует, что «Основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного настоящим Кодексом деяния в виде:

- 1) оконченого преступления;

- 2) приготовления к совершению преступления;
- 3) покушения на совершение преступления [1].

Таким образом, приготовление к преступлению и покушение на преступление фактически обозначены в законе как отдельные виды неоконченных преступлений или неоконченной преступной деятельности с точки зрения теории.

Ученые и практики в этом правовом сегменте единодушны во мнении, что в основе всех возникающих сложностей в квалификации неоконченных преступлений являются возникающие трудности в правильном определении *моментов окончания* приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления. Рассмотрим отдельные, наиболее спорные в теоретическом и практическом отношении позиции. Прежде всего уместно напомнить, что все деяния, описанные в Особенной части УК, формулируются в качестве составов *оконченных* преступлений. Оконченное преступление признается последней, завершающей стадией реализации преступного намерения. В рамках оконченного преступления имеются все необходимые признаки объективной стороны конкретного состава преступления. Следовательно, в анализе *незавершенной* преступной деятельности в качестве *точки отсчета* необходимо брать именно оконченное преступление, поскольку пресеченную (прерванную) преступную деятельность следует сопоставлять с теми признаками состава, которые описаны в диспозиции статьи Особенной части УК применительно к оконченному преступлению.

Обобщенное определение понятия оконченного преступления устанавливается путем системного толкования положений статьи 10, статьи 11, части 1 статьи 13 и части 1 статьи 14 УК. Здесь можно отметить как более предпочтительную позицию российского законодателя, который в части 1 статьи 29 УК 1996 года дал непосредственное определение понятия оконченного преступления, указав, что «Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [2].

По мнению многих ученых-юристов, главным недостатком названного определения является отсутствие в нем указания на *субъективную* направленность преступного деяния, с которым связан момент окончания преступления. Как считает А.И. Ситникова, этот пробел затрудняет возможность установления момента окончания преступления, поскольку законодательное определение не указывает на степень реализации преступного умысла [3, с. 48]. В этой связи представляется более совершенной теоретическая формулировка, предложенная белорусским ученым-юристом Э. А. Саркисовой, в соответствии с которой оконченным преступлением признается такое деяние, которое содержит все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, и «...когда виновный достиг результата, охватываемого его умыслом» [4, с. 237].

Современная национальная концепция оконченного преступления ориентирует правоприменителей отдавать предпочтение учету в основном степени реализации объективной стороны. В частности, применительно к хищениям имущества Пленум Верховного Суда в пункте 33 Постановления от 21.12. 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества» момент признания хищения оконченным (за исключением разбоя и вымогательства) связывает прежде всего с полным развитием признаков объективной стороны: «...хищение... следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им» [5]. Однако такой подход далеко не бесспорен.

По нашему мнению, оконченное преступление имеется там, где действиями лица выполнены все элементы и признаки состава конкретного преступления, в котором *полностью реализован преступный умысел*. В случаях оконченного преступления имеется полное единство объективной и субъективной стороны – чего желал, к чему стремился, *того и достиг*.

Как следствие, включение в характеристику оконченного преступления субъективного признака позволяет правильно разрешить многие спорные вопросы квалификации, возникающие в условиях, когда требуется отграничить покушение, имеющее формальное сходство с оконченным преступлением, от оконченного преступления, т.е. от преступления, умысел на совершение которого реализован полностью. Типичным примером в этом отношении может служить покушение на убийство, внешняя сторона которого в большинстве ситуаций совпадает с объективной стороной умышленного причинения тяжких телесных повреждений (ст. 147 УК). При изложенных обстоятельствах квалификация содеянного по статье 139 УК (Убийство) или 147 УК будет основываться прежде всего на точном установлении содержания субъективной стороны, т.е. зависеть от направленности умысла и от установления того, насколько умысел был реализован преступным посягательством – полностью или частично.

Этот вывод находит свое подтверждение в Постановлении № 9 Пленума от 17.12. 2002 г., в котором указывается, что «Судам необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, имея в виду, что при убийстве умысел направлен на лишение потерпевшего жизни, ...» [6].

Признавая преступление оконченным, мы исходим прежде всего из его законодательной конструкции и далее проводим анализ содержания объективной и субъективной стороны состава конкретно-

го преступления, предусмотренного Особенной частью УК. По этим критериям сущность оконченного преступления, его особенности в различного вида преступлениях главным образом определяется путем деления всех составов:

а) на материальные (обязательное наличие материализованных последствий);
б) формальные (уголовно-правовое значение имеет только действие (бездействие), последствия на квалификацию не влияют);

в) усеченные (последние можно отнести к разновидности формальных составов).

Теория уголовного права (хотя этот подход разделяется далеко не всеми специалистами в области уголовного права) [7, с. 180 – 182] в названную классификацию включает деление ряда преступлений и на другие виды:

г) продолжаемые преступления; д) длящиеся преступления; е) составное преступление; ж) составы преступлений с административной или дисциплинарной преюдицией.

Соглашаясь, что обозначенная классификация составов в целом отвечает потребностям следственно-судебной практики и, как представляется, не нуждается в какой-либо дополнительной корректировке, однако раскрытие внутреннего содержания каждого ее вида, максимально четкое обозначение их правовых границ (пределов действия) длительное время находилось в ведении только *теории уголовного права*.

В этой связи как существенным позитивным явлением нового УК следует признать включение впервые определений *моментов окончания* преступлений, называемых в науке уголовного права формальными и материальными, непосредственно в уголовный закон (ч. 2 и 3 ст. 11 УК). Другие виды, к сожалению, остались вне правового регулирования.

Ни в прежнем, ни в современном УК законодатель не дает определения понятия неоконченного преступления. Более того, в главе 3 УК под названием «Преступное деяние» вообще не употребляется этот термин. Включив в название статьи 67 УК Республики Беларусь терминологию «Назначение наказания за *неоконченное преступление*», т.е. употребив это понятийное определение по аналогу с российской нормой, на этом наш законодатель почему-то и остановился, не предусмотрев ни в одной другой норме конкретного пояснения, что *это за правовое явление, каково его юридическое содержание*, что имеет для судебной практики достаточно принципиальное значение [1, 2].

Можно сказать, что на удовлетворительно качественном уровне не разрешен данный вопрос и в УК Российской Федерации, ибо из факта отражения в части 2 статьи 29 этого Кодекса условия, что «Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление» не представляется возможным почерпнуть как бы *универсальное (общее)*, а не *указательное* определение понятия неоконченного преступления [2].

О необходимости разработки такого определения пишет М.П. Редин, считающий, что «неоконченное преступление – это деятельность лица по реализации преступного намерения, прерванного по независящим от воли лица обстоятельствам на стадии подготовки к преступлению либо на стадии совершения преступления» [8]. Как представляется, более интересным воспринимается определение Г.В. Назаренко, который характеризует неоконченное преступление как умышленное деяние, не доведенное до конца по независящим от лица обстоятельствам *либо* в силу добровольного отказа от преступления [9].

Второе определение позволяет, по нашему мнению, достаточно аргументировано на теоретическом уровне выделить три вида (разновидности) неоконченного преступления:

- 1) приготовление к преступлению;
- 2) покушение на преступление;
- 3) добровольный отказ на стадии приготовления или покушения.

Если первых два вида, в целом, уверенно занимают свое место в доктрине неоконченной преступной деятельности, то вопрос отнесения добровольного отказа к самостоятельной категории (виду) неоконченного преступления остается дискуссионным в научной среде. Российский законодатель в части 2 статьи 29 УК, содержание которой нами раскрывалось выше, к неоконченным преступлениям относит только приготовление и покушение, как бы сказав таким образом, что преступная деятельность, прерванная добровольным отказом, не входит в институт неоконченного преступления.

Однако у автора по этому поводу имеются возражения. По нашему мнению, до момента добровольного прекращения преступной деятельности лицом обязательно совершается деяние, которое по формальным признакам в соответствии со статьей 10 УК является основанием уголовной ответственности, т.е. фактически совершается уголовно наказуемое приготовление или покушение.

Во всех трех рассматриваемых вариантах их *общим* (объединительным) признаком является фактор *прерванности*, а соответственно, *незавершенности* преступной деятельности. *Различия* заключаются только в *содержании обстоятельств* или в причинах, в силу которых реализация преступного умысла не была доведена до конца. Несмотря на правовую и фактическую *тождественность* совершенных во всех трех ситуациях действий (бездействия), а также их прерванность, тем не менее, уголовно-правовые последствия *различны* – за приготовление и покушение наступает уголовная ответственность и освобождение от уголовной ответственности за фактически то же содеянное при добровольном отказе. Спорность ситуации, по

нашему мнению, объясняется прежде всего разными подходами к оценке юридической природы института добровольного отказа (ст. 15 УК). Например, автор комментария к статье 15 УК С.Е. Данилюк считает, что при «Добровольном отказе совершенные лицом действия теряют свою *общественную опасность*, в них нет признаков преступления, а следовательно, нет и оснований для уголовной ответственности» [1, с. 46 – 47].

Таким образом, если преступная деятельность прекращена *помимо воли* лица, то все фактически совершенное им обладает уровнем общественной опасности, присущей преступлению, в то же время *этот же материальный признак* преступления *теряется* (позиция С.Е. Данилюка), если прерванность преступной деятельности выражается в форме *добровольного* отказа. Как представляется, ни лицо, ни фактически содеянное при добровольном прекращении продолжения преступной деятельности не утратили общественной опасности.

Автор считает, что добровольный отказ не меняет юридической природы содеянного – добровольно прекращенное деяние остается *преступлением* без всяких оговорок и изъятий. Такой вывод находит свое прямое подтверждение, например, в содержании части 2 статьи 15 УК Республики Беларусь и части 2 статьи 31 УК Российской Федерации. В последней норме законодатель указал, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за *преступление*, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого *преступления* до конца» [2].

Вероятнее всего, что правовая природа подобных ситуаций в другом. Это – *позиция законодателя*, который посчитал допустимым сделать как бы исключение из принципа неотвратимости уголовной ответственности, простить виновное лицо за фактически выполненную, пусть и частично, объективную сторону приготовления к преступлению или покушения на преступление в целях *стимулирования* этого лица (и других) к отказу от продолжения преступной деятельности. В юридической литературе подобное правовое условие нередко именуется «*золотым мостом для отступления*». Государство посчитало *нецелесообразным* привлечение лица, добровольно прекратившего дальнейшее развитие преступного посягательства, к уголовной ответственности. Все изложенное в совокупности дает основание для вывода об обоснованной допустимости признания преступной деятельности (бездеятельности) до момента ее добровольного прекращения *самостоятельным* видом неоконченного преступления, правовая судьба которого регулируется в качестве *исключения* отдельной специальной нормой *позитивной* направленности.

Как отмечалось, преступная деятельность, не получившая своего полного развития, на *законодательном* уровне выражена в двух формах: приготовление к преступлению (ст. 13 УК) и покушение на преступление (ст. 14 УК).

Приготовление представляет собой общественно опасное деяние и в соответствии с законом (ч. 1 ст. 13 УК) включает в себя «...приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления». Новая законодательная формулировка понятия приготовления в целом тождественна содержанию аналогичной нормы в УК 1960 года (ч. 1 ст. 15), хотя все же законодатель *принципиально* уточнил направленность приготовительных действий: «...для совершения *конкретного* преступления», сохранив при этом прежний перечень приготовительных действий [1, 10].

Термин «подготовить» означает «сделать что-нибудь предварительно для устройства, организации чего-нибудь» [11, с. 640]. Если изыскания филологов переложить на язык уголовного закона, то «подготовка к преступлению» – это такая стадия осуществления преступного намерения, в процессе которой лицо умышленно создает *условия* для совершения преступления.

Приготовительные действия, таким образом, являются первым и наименее общественно опасным этапом в развитии преступной деятельности, этапом, наиболее отдаленным от окончания преступления. Он характерен тем, что здесь объективная сторона подготавливаемого преступления вообще не развита, т.е. фактически не выполняется, и объект уголовно-правовой охраны в реальную опасность еще не ставится. Сама подготовительная деятельность под воздействием не зависящих от лица обстоятельств заканчивается прерванностью действий до начала совершения преступления.

Вместе с тем следует отметить, что как в статье 15 прежнего уголовного законодательства, так и в статье 13 УК 1999 года в формулировке определения понятия приготовления не было и нет прямого указания, что приготовление к преступлению признается:

- а) неоконченным *преступлением*,
- б) которое *не доведено до конца* по независящим от лица обстоятельствам.

Возникает вопрос – почему? Ведь отсутствие в части 1 статьи 13 УК терминологического указания на условие, что *приготовление* – это именно *преступление*, и что именно оно (преступление) *не было доведено до конца* по независящим от лица обстоятельствам, ставит и де-юре, и де-факто под сомнение вообще правомерность уголовной ответственности за приготовительные к совершению преступления действия, так как законодатель эти действия в норме конкретно *не назвал преступлением*.

Частично ответ находим в статье 10 УК, в которой в перечне оснований законодатель приготовления к совершению преступления выделил в качестве самостоятельного основания уголовной ответственности. Однако такой существенный признак приготовления, как его *прерванность* по независящим от лица обстоя-

ствам, остался за рамками нормативного определения понятия приготовления к преступлению и устанавливается путем толкования нормы в ее сравнении с положениями статьи 67 УК. Но в этой норме *преступлением* называется не приготовление к преступлению, а *неоконченное* преступление. Если признавать бесспорно, что положения статей 13 и 14 УК и образуют институт неоконченного преступления, тогда указания в статье 67 УК на необходимость при назначении наказания учитывать обстоятельства, в силу которых *преступление* не было доведено до конца, необходимо распространить и на положения статьи 13 УК. По нашему мнению, это очевидный недостаток техники изложения юридического содержания статей 13 и 67 УК.

В этой части уместно обратиться к позиции российского законодателя, который:

- во-первых, главу 6 обозначил терминологически «*Неоконченное преступление*»;
- во-вторых, в части 2 статьи 29 УК прямо указал, что «Неоконченным преступлением признаются *приготовление к преступлению и покушение на преступление*»;
- в-третьих, в части 1 статьи 30 УК, формулируя определение понятия приготовления к преступлению, выделяет обязательное условие *признания* приготовления именно *преступлением*: «...если при этом *преступление* не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам»;
- в-четвертых, перечень видов приготовительных действий существенно расширен, что делает норму более универсальной в применении [2].

Считаем, что такая форма отражения в законе института неоконченного преступления удачнее определяет его место в уголовном законе, полнее раскрывает его правовую природу и повышает его практическую эффективность.

Приготовительные действия весьма разнообразны, но с объективной стороны могут выражаться только в формах, обозначенных в законе. Приготовление базируется на одномоментном или многомоментном создании условий, что предполагает наличие определенных особенностей. В первом случае всегда имеется завершено создание условий, соответственно – приготовление однозначно выражено, так как всегда *окончено*. Во втором варианте проблема приготовления стоит несколько острее, поскольку создание условий может включать в себя группу разнообразных, нередко сложных в техническом отношении действий (бездействия) и может быть пресечено после совершения любого из них. В таких ситуациях фактически объективная сторона приготовления выполняется не полностью, следовательно, мы имеем дело с *неоконченным приготовлением*. Подобное деление приготовления, не влияя на квалификацию, тем не менее в соответствии с требованиями статьи 67 УК может быть учтено при назначении наказания.

В большинстве научно-теоретических источниках авторы отмечают возможность выполнения приготовления к преступлению только путем активного поведения. Этой же позиции, к сожалению, придерживаются и авторы Комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь, выражаясь при этом достаточно конкретно, что «*Готовиться к совершению преступления путем бездействия невозможно*» [1, с. 46 – 47]. Подобная позиция, как представляется, не бесспорна, так как оставляет без ответа, например, ситуацию, когда, допустим, заведующий складом по просьбе соучастников после окончания рабочего дня не включает сигнализацию или при тех же условиях не закрывает дверь склада на замок, т.е. не совершает обязательных для него действий или бездействует в уголовно-правовом понимании.

Исходя из буквального толкования нормы, а также с учетом прямого частичного указания в законе («...либо иное умышленное создание условий...») следует, что с субъективной стороны приготовление характеризуется наличием заранее обдуманного *прямого умысла*: виновный сознает, что создает необходимые условия для совершения в будущем замышляемого преступления, предвидит, что достигнет преступного результата путем реализации приготовительных действий и желает создать такие условия. На наш взгляд, в этой части есть смысл сделать одно уточнение: субъект во время выполнения приготовительных действий в одной из форм, указанных в диспозиции части 1 статьи 13 УК, встретив на пути реализации приготовительных действий препятствия, должен *осознавать их непреодолимость* и что именно вследствие этого, т.е. по независящим от него обстоятельствам, не совершает преступление, к которому готовится. Указанная детализация субъективной стороны позволит провести четкую грань разделения между уголовно-наказуемым *приготовлением* и *добровольным прекращением* преступной деятельности.

Как видно из положений УК 1960 года, законодатель не дифференцировал вообще наказуемость за приготовительные действия в зависимости от степени тяжести совершенного преступления [10]. Этот очевидный правовой пробел был устранен в новом уголовном законодательстве. Общественная опасность приготовительных действий, а следовательно, и уголовная ответственность была установлена в части 2 статьи 13 УК за приготовление к менее тяжким, тяжким и особо тяжким преступлениям [1]. Не признавая приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, в качестве основания уголовной ответственности, по нашему мнению, законодатель исходил из условия, что подобные действия не всегда достигают той степени общественной опасности, которая соответствует уровню преступления. Иначе говоря, эти действия являются малозначительными (*minima non curat praetor* – как говорили римские юристы – малозначительное не заботит претора (судью)).

Российский законодатель в этой части пошел дальше, исключив ответственность и за приготовление к совершению менее тяжкого преступления.

В юридической литературе встречаются суждения, что общественная опасность приготовления в первую очередь зависит от предметов и средств, используемых при приготовлении. Так, например, по мнению Н.Д. Дурманова, предметы, специально предназначенные для совершения преступления (кастанеты, отмычки, печати, штампы и так далее), свидетельствуют о значительной общественной опасности таких приготовительных действий. Предметы бытового обихода (топор, лом, спички) не содержат общественной опасности [112, с. 70].

Бесспорно, согласиться с озвученной точкой зрения нельзя. Можно признавать частично, что фактическое содержание приготовительных действий, безусловно, должно учитываться при определении их степени общественной опасности. Но все же доминирующим критерием в оценке степени общественной опасности подобной деятельности должна являться оценка степени общественной опасности того преступления, к совершению которого готовится субъект. Этот вывод вытекает и из положений закона (ч. 2 ст. 13 УК), в котором установлена ответственность за приготовительные действия не ко всем четырем категориям преступлений, а только к трем из них. Конечно, всегда более общественно опасными будут восприниматься приготовительные действия в форме приобретения огнестрельного оружия, чем приобретение топора в хозяйственном магазине. Но *последствия* в этих ситуациях могут быть *одинаковыми* – лишение жизни человека.

Надо иметь в виду, что уголовное законодательство многих зарубежных стран вообще не предусматривает ответственности за приготовление к преступлению, относя наиболее опасные приготовительные действия к покушению. Имеет место и другой подход к институту приготовления, когда он не регламентируется общей нормой уголовного закона, а уголовная ответственность за приготовление прямо оговаривается в конкретных статьях Особенной части с указанием на его наказуемость по данной статье. По нашему мнению, последняя позиция могла бы представлять определенный интерес и для белорусской доктрины уголовного права.

В целях совершенствования законодательного регулирования правоотношений в рамках неоконченной преступной деятельности, по нашему мнению, уместно на научно-теоретическом уровне обсудить варианты определений понятий оконченного и неоконченного преступлений, а также приготовления.

Оконченное преступление. *Преступление признается оконченным, если совершенное деяние содержит в себе все элементы и признаки конкретного преступления, а также в котором полностью реализован преступный умысел.*

Неоконченное преступление. *Неоконченное преступление – это умышленная деятельность в форме действия или бездействия, направленная на реализацию преступного умысла, однако не доведенная до конца по независящим от лица обстоятельствам либо в силу добровольного отказа.*

Этапы неоконченного преступления могут выражаться в виде приготовления к преступлению, покушения на преступления либо добровольного отказа от преступления.

Приготовление к преступлению. *Приготовлением к преступлению признаются совершенные с прямым умыслом приискание, изготовление или приспособление средств и орудий, подыскание соучастников, соговор на совершение преступления, устранение препятствий либо иное умышленное создание благоприятных условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу Респ. Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – С. 46 – 47.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации / офиц. изд-е с изм. и доп. по сост. на 20.04.2006 г. – Новосибирск: Сиб. университет. изд-во, 2006. – 221 с.
3. Ситникова, А.И. Неоконченное преступление и его виды / А.И. Ситникова. – М.: Ось-89, 2002. – С. 48.
4. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общ. ч.: учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – М.: Тесей, 2005. – С. 237.
5. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: Постановл. № 15 Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 21. 12.2001 г. // Судовы веснік. – 2002. – № 1. – С. 15 – 19.
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК): Постановление № 9 Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 17.12. 2002 г. // Судовы веснік. – 2003. – № 1. – С. 14 – 18.
7. Кузнецова, Н.Ф. Курс уголовного права: в 5 т. / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Зерцало, 2002. – Т. 1: Учение о преступлении. – С. 180 – 182.
8. Редин, Н.П. Осуществление преступного намерения и неоконченное преступление / Н.П. Редин // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 167.
9. Назаренко, Г.В. Русское уголовное право. Общ. ч.: курс лекций / Г.В. Назаренко. – М., 2000. – С. 116.
10. Уголовный Кодекс Респ. Беларусь (в ред. от 01.05.94 г). – Минск, Репринт, 1994. – 208 с.
11. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М., 1986. – С. 640.
12. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1995. – С. 70.

Поступила 20.03.2007